

К.Ю.Игнатов

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОТСЫЛКИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРСКОГО СТИЛЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО И ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО

Под интертекстуальными отсылками понимается непосредственное упоминание имён и неявные аллюзии к объектам, процессам и событиям внетекстовой реальности произведения. Это географические названия, литературные реминисценции, исторические факты, политические имена и события, социальные явления, объекты культуры и бытовые реалии. Особенно важны такие отсылки в стихах, где лексическая ткань предельно стеснена поэтической формой. В статье приводятся результаты анализа 137 стихотворений Эдуарда Багрицкого (1895—1934) и 247 стихотворений Ильи Сельвинского (1899—1968) с точки зрения референтов используемых поэтами интертекстуальных отсылок. Приведены результаты количественного и качественного анализа.

Ключевые слова: интертекстуальность, поэзия, референт, отсылка, стиль, Багрицкий, Сельвинский

Исследование построено на материале текстов двух выдающихся советских поэтов, — Ильи Львовича Сельвинского (247 стихотворений) и Эдуарда Багрицкого (137 стихотворений), — которые были включены в однотомники серии «Библиотека поэта» (*Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы*. М.-Л.: Советский писатель, 1964; *Сельвинский И.Л. Избранные произведения*. М.-Л.: Советский писатель, 1972). Стихотворения антологий характеризуют разные этапы творческого пути поэтов во всей их сложности и многогранности, а поэтому состав стихотворных корпусов можно считать репрезентативным. Ранние варианты стихотворений не учитывались. Поэма Сельвинского «Улялаевщина», его роман в стихах «Пушторг» и трагедия в стихах «Рыцарь Иоанн», а также либретто оперы «Дума про Опанаса» и переводы Багрицкого исключены из рассмотрения, поскольку нарративная организация материала предполагает, что отсылки в тексте используются, в том числе, в функции текстовой связи, а потому они не могут сопоставляться с отсылками в относительно коротких стихотворениях. Кроме того, в романе, драме и либретто оперы содержатся комментарии и ремарки автора.

Интертекстуальной мы называем актуализированную в тексте отсылку к внеязыковой реальности произведения. Говоря о «внеязыковой» реальности мы имеем в виду, что для понимания текста, содержащего подобную отсылку, недостаточно знания словарного значения слова, а требуется информация энциклопедического характера. Пожалуй, слово «энциклопедия», производное от греческих слов «круг» и «образование», — наиболее точное определение той экстралингвистической информации, которая актуализируется в тексте, поскольку именно энциклопедия очерчивает тот образовательный круг, в которой и погружается текст художественного произведения, а степень освоенности читателем этого круга определяет его понимание текста.

Например, в стихотворении «Памятник Гарибальди» (1923) Э.Багрицкого скульптура итальянского революционера в Милане становится фоном для событий, разворачивающихся в Италии двадцатых годов: «На базарах и площадях, / Ветер смутной тревожит дрожью / Густо-чёрный поход рубах». Под «густо-чёрным походом рубах» подразумевается поход на Рим, организованный Национальной фашистской партией Италии в 1922 году (чёрные рубашки носили вооружённые отряды партии), который и привёл к перевороту, в результате которого Муссолини пришёл к власти. Толковый словарь русского языка никак не поможет понять словосочетание «густо-чёрный поход рубах», поскольку оно отсылает к экстралингвистической реальности — истории. Причём история воспринимается не как отвлечённая область знаний, а вполне определённая и внутренне упорядоченная система, в которой каждому элементу соотнесено определённое значение.

В приведённом примере интертекст позволяет создать мета-значение, которое складывается из слов «чёрный», «рубах» и «поход», а связью между ними служит исторический факт, что и позволяет говорить об истории как тексте. Конечно, история не имеет отношения к лингвистическому тексту как последовательности знаковых единиц, которая представляет собой высказывание о мире и человеке и является средством коммуникации, характеризуемым связностью и структурной цельностью. Скорее, это семиотическая система в более общем виде, т.е. осмысленная последовательность знаков как форма коммуникации (передачи знания), а отсылка в стихотворении интертекстуальна, поскольку создаёт связь между художественным текстом и историей как семиотической системой. О восприятии истории как семиотической системы писал Б.А.Успенский: «Коль скоро некоторое событие воспринимается (самими современниками, самими участниками исторического процесса) как значимое для истории, т.е. семиотически отмеченное в историческом плане, — иначе говоря, коль скоро ему придаётся значение исторического факта, — это заставляет увидеть в данной перспективе предшествующие события как связанные друг с другом (при том, что ранее они могли и не осмысляться таким образом)» [1, с. 18].

Действительно, за словесным выражением одной и той же отсылки могут стоять совсем разные планы содержания. Например, в стихотворении Багрицкого «Ленин с нами» (1925) речь идёт о политическом лидере революции: «Над полями и городами / Гул идёт, / В темноту стекая: / «Братья, слушайте: / Ленин с нами! / С

нами армия трудовая». А вот у Андрея Вознесенского в стихотворении «Уберите Ленина с денег» (1967) за словом «Ленин» уже стоит некоторое культурное обобщение: «Ленин — самое чистое деянье, / он не должен быть замутиён. / Уберите Ленина с денег, / он — для сердца и для знамён». Несмотря на то, что исторический персонаж один и тот же, наполнение смыслом интертекстуальных отсылок совершенно разное. Стихотворения разделены историческим промежутком в сорок лет, а, как отмечал Б.А.Успенский: «В дальнейшем могут происходить новые события, которые задают новое прочтение исторического опыта, его переосмысление. Таким образом, прошлое переосмысливается с точки зрения меняющегося настоящего» [1, с. 19]. Поэтому восприятие истории неразрывно связано с её семиозисом, процессом интерпретации знаков и порождения новых значений.

Подобным образом обстоит дело и с семиозисом географических имён. Вот отрывок из стихотворения «Можайское шоссе» Багрицкого: «И покатится дрожь / На Поклонную, с Поклонной, / Выше. Выше. На Можайск». Сегодня промежуток пути, по которому движется автобус в стихотворении, называется Кутузовский проспект, а вовсе не Можайское шоссе, то есть означающее в данной системе сменилось, хотя означаемое (денотат) и осталось прежним. Продолжая подобные рассуждения с интертекстуальными отсылками различных типов, можно прийти к обобщению: отсылки связывают текст литературного произведения с человеческой культурой как семиотической системой. Причём интертекстуальные отсылки являются не просто точками соприкосновения с культурой, скорее они являются теми точками опоры, на которых и держится в культурном контексте творение автора, подобно точкам крепления драгоценного камня в ювелирных изделиях. Конструкцию крепления, способ опоры и её тип интуитивно-неосознанно или с точным расчётом выбирает мастер, и по характеру интертекстуальных отсылок, а равно и по их референтам, можно судить об авторском стиле.

Пример интертекстуальных отсылок к истории, политике и религии можно найти в десятом стихотворении венка сонетов «Юность» (1920) Сельвинского: «Я чую зов эпохи молодой / Не потому, что желторотым малым / Полгода просидел над «Капиталом» / И «Карла» приписал в матрикул свой / В честь гения с библейской бородой». В тексте упоминаются Библия и фундаментальный труд по политэкономии Карла Маркса. Автор «Капитала», «гений с библейской бородой», не назван напрямую, но он очевиден из контекста. Отсутствие имени собственного, необычность эпитета, поэтичность образа — всё это обретает смысл только с пониманием референта отсылки.

Так же как это было сделано в последнем примере с историей, политикой и религией, из культуры как семиотической системы можно выделить подсистемы, которые важны для авторов. Это выделение происходит естественной группировкой отсылок на большом массиве анализируемых текстов. В результате получается «упоминательная клавиатура» [2, с. 218] каждого из авторов.

Такое, «упоминательное», понимание интертекстуальности несколько отличается от устоявшихся представлений в современном литературоведении. В отечественной традиции устоялись два подхода к пониманию интертекста: философско-филологический и лингвистический. Первый представлен работами Ю.С.Степанова, который под интертекстом понимает «особый вид текста, представляющий собой соединение, скрещение нескольких других текстов, в частном и простом случае — слов» [3, с. 80], т.е. интертекст превращается в комплексное явление и результат процесса взаимодействия нескольких текстов. Второй подход разрабатывался Ю.Н.Карауловым в русле развития теории языковой личности: любое произведение речи опирается на прецедентные тексты культуры, т.е. тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Ю.Н.Караулов отмечал, что в прецедентные тексты входит не только литература, но не расширял их до всей человеческой культуры.

В то же время, изучение «упоминательного» интертекста представляется весьма перспективным. Например, Мария Наумовна Виролайнен на состоявшемся в 2016 году в Санкт-Петербурге семинаре по интертекстуальности в докладе «Поэтическая география как интертекст» отмечала, что «топонимы в литературе Золотого Века не обозначают объекты в реальной географии — их появление в тексте всегда обусловлено уже сложившимся поэтическим словарем эпохи... Связь между топонимом и географическим местом полностью разрывается, и топоним получает метонимическое («брега Невы» — Петербург) или эмблематическое (Новгород — свобода) значение» [5 с. 228]. Можно надеяться, что в дальнейшем «упоминательное» понимание интертекста будет распространяться не только на географию, но и на другие области семиотики культуры.

В этой связи интересно отметить описание Багрицким памятника Гарибальди в Милане в уже цитированном стихотворении 1923 года: «Над Миланом / На пьедестале / Страшный всадник / /И страшный конь; / Пальцы грозно узду зажали, / И у пристальных глаз ладонь; / С окровавленного гранита / В путь! / На север! / В снега и мрак!». В действительности пьедестал памятника, который поэт ни разу не видел, серого цвета, а композиция такова, что руки у всадника опущены. Несмотря на несоответствие описания реальному памятнику, связь между реальностью и текстом стихотворения создаётся именно отсылкой.

Интертекстуальные отсылки подобны фразеологизмам, которые А.В.Кунин предложил называть единицами третичной номинации [6, с. 159], поскольку в результате первичной номинации создаются «исходные», «первообразные» слова, а в результате вторичной — производные из первых по

морфологическому составу или по смыслу. Если в актах вторичной номинации устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда, которые уже отображены в существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, то в третичной номинации, в свою очередь, происходит переосмысление вторичной. Действительно, выражения «ездить в Тулу со своим самоваром», «иерихонская труба» или «аркадская идиллия» — это устойчивые языковые единицы, но изначально они представляли собой интертекстуальные отсылки к Туле, Иерихону и Библии, а также центральной части Пелопоннеса в Греции, причём аллюзивная связь была устойчивой и понятной. Регулярное воспроизведение этих единиц в речи как единого целого позволило им перейти в разряд фразеологических единиц. Приведённые примеры фразеологизмов представляют собой предельные случаи интертекстуальных отсылок, а интертекстуальные отсылки в целом — «потенциальные фразеологизмы».

Таким образом, явление интертекстуальности трактуется нами исключительно как имманентное свойство литературного текста: его опора в создании художественного образа, передаче идейного содержания и создании эстетического эффекта на культуру как семиотическую систему. Подобно фразеологизмам, которые представляют собой один из способов языковой выразительности, и которые могут служить одной из характеристик авторского стиля, способ оформления интертекстуальной отсылки и тип её референта характеризуют индивидуальную манеру автора.

Анализ всего выделенного корпуса стихотворений Сельвинского и Багрицкого приводит к выделению 15 групп референтов. К крупным категориям относятся девять категорий: топонимы, этнонимы и лингвонимы, иностранные слова, религиозные источники (разделяемые на христианство и иные религии), эргонимы, реалии, термины, культура. Работа с материалом показала необходимость выделения из группы культурных референтов следующих шести групп: история, политика, литература, фольклор, классическая мифология, тексты массовой коммуникации (в случае Багрицкого это три отсылки к кино через фильм «Укразия» 1925 года в одноимённом стихотворении, а у Сельвинского — итальянский фильм «Падение Трои» 1910 года в стихотворении «Алло, Русь!» и к газете «Вечерняя Москва» в стихотворении «Предвесеннее»). Таким образом, собственно, в группе отсылок к культуре остались исполнительские искусства (театр, танец, музыка), изобразительные искусства (живопись, графика, архитектура, скульптура), наука (например, в стихотворении «Смерти нет!» Сельвинского приводится цитата из Эйнштейна), философия (Шопенгауэр в «Какое в женщине богатство» Сельвинского) и культурные особенности жизни (в стихотворении «Моткэ-Малхамовес» Сельвинского упоминается Малхамовес — ангел смерти в еврейской средневековой культуре Идишкайта; «буршами» названы студенты в «Переходниках»). Большинство групп референтов представляются очевидными. Остановимся на некоторых особенностях.

Термины представлены такими единицами как, например, «брандмауэр», «триоль», «*pas de six*» из стихотворения «Лебединое озеро» Сельвинского. Многие названия мастей лошади, т.е. термины коневодства, поэт использует для обозначения цвета в описаниях, например, «каурий», «чалый», «буланый».

К реалиям относим названия специфических для определенного социума в определенный период явлений. Помимо очевидных реалий (обращение «товарищ», денежная единица — «копейка», танец «ту степ» в «Кокчетаве» Сельвинского), реалии могут отсылать читателя и к иноязычной культуре (сандалии «дзори», императорский титул «микадо» в стихотворении «Сверчок» отсылают читателя к японской культуре).

Под эргонимами (от греческого слова «работа») понимаются слова, связанные с хозяйственной деятельностью человека: собственные имена деловых объединений людей, в том числе фирм, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, различных заведений, а также торговые марки и собственные имена продуктов. Например, завод «Большевик» в стихотворении «На смерть Маяковского» Сельвинского: «Он — большой такой, дымный, заляпанный, / Работавший, как завод «Большевик», / Он-то, не вынеся лирической царапины / Ушёл из армии живых?!»

Изначально при анализе также выделялись ойконимы (от греческого «дом» и «имя»), т.е. названия отдельных зданий и сооружений. Позже они вошли в группу топонимов, но стоит ещё раз отметить на примере ойконимов, что одинаково оформленная отсылка в зависимости от контекста может входить в разные группы референтов. Так, например, в стихотворении «Всем! Всем! Всем!» в строчках «Сидел я в кафе. Пил кофе, / Пенку взбивая в крем. / За столом — мой любимый профиль, / За окном — Кремль» за словом «Кремль» стоит комплекс зданий, т.е. относится к ойконимам. В этом же стихотворении в строчке «Несётся призыв Кремля», очевидно, речь идёт к метонимическому изображению советского правительства, сосредоточенного в Москве, поэтому стоит посчитать отсылку как двойную: к географическим названиям и политике.

Заметим, что интертекстуальная отсылка может существовать сама по себе (пример — любой топоним), а может актуализироваться лишь в тексте. Например, название стихотворения «ТВС» Багрицкого можно прочесть вслух, лишь зная его содержание (это «тэ-бэ-це» от латинской аббревиатуры обозначающей туберкулез, а не русское «тэ-вэ-эс»). Также и «эрцгерцог» в «Последней ночи» Сельвинского («Эрцгерцог вернулся к себе домой. / Разделся. Выпил вина. / И шелковый сеттер у ног его / Расположился, как сфинкс») — не реалия, а историческая отсылка, поскольку речь идёт об убитом в 1914 году наследнике престола, но это становится ясным только из самого стихотворения (макро-контекст).

Все отсылки посчитаны и представлены на Рис. 1 и Рис. 2.

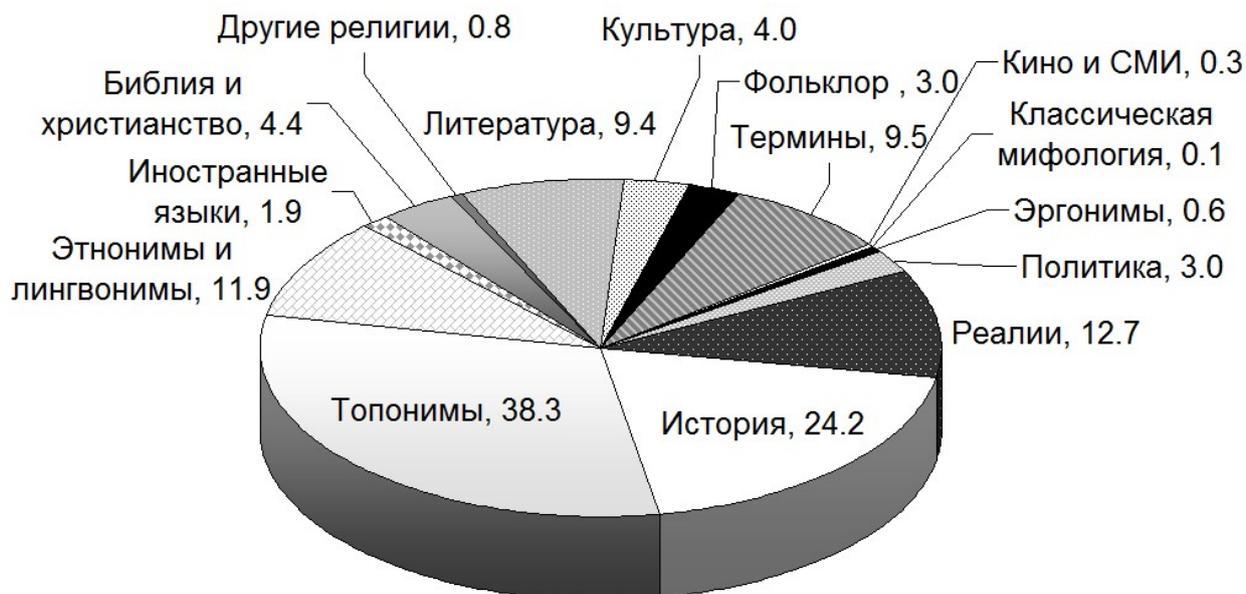

Рис. 1. Распределение интертекстуальных отсылок в стихотворениях Эдуарда Багрицкого по типу референтов, %

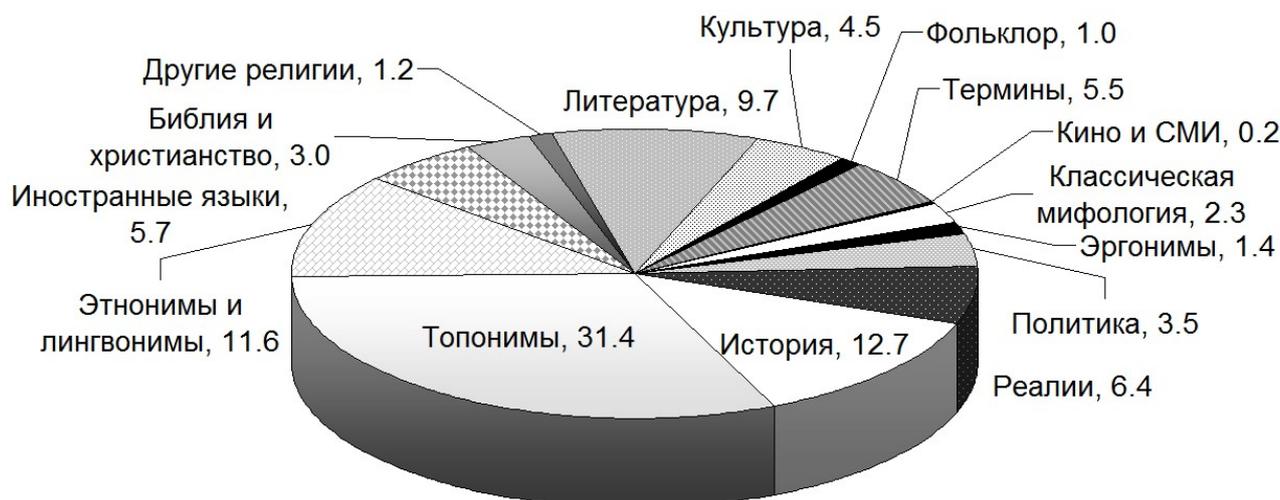

Рис. 2. Распределение интертекстуальных отсылок в стихотворениях Ильи Сельвинского по типу референтов, %

Сравнение данных в рисунках показывает, что для обоих поэтов важнейшими группами референтов отсылок являются географические названия и история. В то же время у Багрицкого исторические отсылки встречаются в два раза чаще, чем у Сельвинского. Группы литературных и политических отсылок для обоих поэтов примерно одинаковы — 10% и 3% соответственно. В тестах Сельвинского в три раза чаще встречаются иноязычные включения, а для Багрицкого в два раза важнее оказываются реалии. Почти в два раза больше в стихотворениях Багрицкого и терминов.

Анализ показывает сходные черты в группах референтов интертекстуальных отсылок двух поэтов и существенные отличия. Предполагается продолжить исследование для проверки гипотезы о существовании определенной «ДНК национальной культуры», т.е. группы референтов, доля которых устойчиво сохраняется для разных поэтов в одной культурной традиции и может служить характеристикой культуры в целом. Также интересно проследить стилистические отличия различных поэтов в их опоре на интертекст.

1. Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 9-70.
2. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 214-255.
3. Степанов Ю.С. Интертекст, культурный концепт, ноосфера. // Теоретико-литературные итоги XX века: В 2 т. Т. 1. Литературное произведение и художественный процесс. М.: Наука, 2003. С. 80-103.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Двнятин Ф.Н., Леоненко С.О. Интертекстуальный анализ: принципы и границы // Slavica Revalensia. 2016. Vol. III. С. 224-241.
6. Кунин А.В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Вопросы фразеологии: сборник научных трудов. Вып. 168. М., 1980. С. 158-185.

References

1. Uspenskiy B.A. Istoriya i semiotika (Vospriyatie vremeni kak semioticheskaya problema) [Semiotics and culture (The perception of time as a semiotic problem)]. In: Uspenskiy B.A. Selected works in 3 vols, vol. 1. Moscow, 1996, pp. 9-70.
2. Mandel'shtam O.Eh. Razgovor o Dante [A talk on Dante]. In: Mandel'shtam O.Eh. Works in 2 vols, vol. 2: Proza. Moscow, 1990, pp. 214-255.
3. Stepanov Yu.S. Intertekst, kul'turnyy kontsept, noosfera. [Intertextuality, culture concept, and noosphere]. Teoretiko-literaturnye itogi XX veka in 2 vols, vol. 1: Literaturnoe proizvedenie i khudozhestvennyy protsess. Moscow, 2003, pp. 80-103.
4. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian language and language personality]. Moscow, 1987. 264 p.
5. Dvinyatin F.N., Leonenko S.O. Intertekstual'nyy analiz: printsipy i granitsy [Intertextual analysis: Principles and limits]. Slavica Revalensia, 2016, vol. III, pp. 224-241.
6. Kunin A.V. Mekhanizm okkazional'noy frazeologicheskoy nominatsii i problema otsenki [The mechanism of casual phraseological naming and the evaluation problem]. Voprosy frazeologii: sbornik nauchnykh trudov, iss. 168. Moscow, 1980, pp. 158-185.

Ignatov K.Yu. Intertextual references in the author's style: poems by Eduard Bagritsky and Ilya Selvinsky. Intertextual references are explicit references or indirect allusions to the objects, processes, or events of the extratextual reality. They can be represented by geographical names, literary reminiscences, historical facts, political phenomena, social events, cultural objects, and paraphernalia of everyday life. They feature more prominently in poetry owing to a certain subordination of the content to the form in a poem. The paper presents the results of a comprehensive analysis of 137 poems written by Eduard Bagritsky (1895—1934) and 247 poems written by Ilya Selvinsky (1899—1968), carried out to find referents of the references. The results of both quantitative and qualitative analyses are presented.

Keywords: intertextuality, poetry, referent, reference, style, Bagritsky, Selvinsky.

Сведения об авторе. К.Ю.Игнатов — кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия, kirill72@yahoo.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.